

doi 10.31063/2073-6517/2018.15-4.4
УДК 314.7+331.91

МИГРАЦИЯ: ФАКТОР ИЛИ БАРЬЕР ДЛЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

С. В. Чепель, Е. Х. Тухтарова, Н. П. Неклюдова

Основная идея и содержание статьи — новый взгляд на миграционную и экономическую политику стран постсоветского пространства с позиции повышения качества (инклюзивности) экономического роста этих государств, их устойчивости и диверсификации, максимального ограничения нелегальной миграции, переключения приоритетов во внешнеэкономической сфере с торговли сырьевыми товарами и энергоресурсами на научно-технологическое сотрудничество и создание единых технологических платформ.

В статье представлены результаты эконометрического анализа взаимосвязей между миграцией, диверсификацией экономики, качеством госинститутов и других качественных характеристик экономического роста, сложившихся в развивающихся странах мира в последние два десятилетия.

Проведенное исследование позволило выделить наиболее важные факторы, которые способствуют созданию условий и предпосылок инклюзивного развития экономики.

Как показал анализ, среди прочих факторов наиболее важными являются качество государственных институтов, технологическое развитие, которое создает условия для инвестирования в человеческий капитал. Также исследование позволило определить пороговые значения по этим факторам как ориентиры для перехода стран СНГ к инклюзивному развитию своих экономик и ограничению неупорядоченной трудовой миграции.

Другим важнейшим результатом нашего исследования является тот факт, что масштабная и плохо контролируемая миграция является тормозящим фактором устойчивого развития всего постсоветского пространства. Для преодоления данного процесса необходимо создание масштабных совместных интеграционных, наукоемких и технологических проектов, которые позволят не только сократить масштабы миграции в Россию, но и будут способствовать повышению человеческого капитала в странах СНГ и создавать на их рынках труда наукоемкие рабочие места.

Ключевые слова: трудовая миграция, инклюзивный рост, неравенство доходов, технологическое развитие, инвестиции, качество государственных институтов, человеческий капитал, ВВП на душу населения

Введение

Проблема экономического роста является одной из главных тем в современной научной дискуссии. В качестве основополагающего тезиса является не столько возврат к высоким темпам экономического роста, сколько формирование новой модели роста, которая была бы способна вовлекать в данный процесс все имеющиеся ресурсы. При этом данный процесс обеспечивал бы развитие как государственных институтов, технологических структур, так и всестороннее развитие и накопление человеческого капитала. Такой подход отражает понимание того, что благосостояние общества складывается не только из роста реального ВВП и материальных

доходов населения, но является понятием многомерным, включающим в себя накопление физического и человеческого капитала. Важно учитывать и тот факт, что модель должна базироваться не только на одном параметре «устойчивости» экономического роста, в современных реалиях этого уже недостаточно, а должна быть инклюзивной, то есть оказывать положительное влияние на благосостояние широких слоев населения.

Стагнация мировой экономики в условиях бюджетного ограничения, связанного с кризисными явлениями глобализации, создает риски для устойчивого роста и занятости населения. Все больше домохозяйств сталкиваются с риском бедности, проблемами доступа к образованию и медицине, что в конечном итоге усиливает неравенство между странами. Как известно, высокий уровень неравенства может приводить к падению совокупного спроса, потере социальной стабильности и, в конечном

¹ © Чепель С. В., Тухтарова Е. Х., Неклюдова Н. П. Текст. 2018.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ ОГОН № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

итоге, неконтролируемым миграционным потокам¹.

Усиление неравенства вызвано не только глобализацией, но и неравномерностью в смене технологических укладов разных стран. К примеру, совокупное воздействие институциональных и технологических преобразований привело к усилению экономического и социального неравенства в европейских странах уже в 1980-х годах [2].

В связи с этим становится все более очевидным, что сложившаяся модель развития на основе стимулирования потребительского спроса и расширения производства сегодня перестает быть основой для устойчивого экономического роста. Дальнейшее использование такого подхода будет приводить к многочисленным нежелательным социальным, экономическим и экологическим последствиям. Для преодоления современных вызовов необходимо переосмысление теоретико-методологических подходов в целях выработки нового решения текущих проблем. На наш взгляд, концепция устойчивого развития² нуждается в обновлении и более глубоком учете социального фактора в увязке качественных характеристик человеческого капитала и экономического роста.

Современная концепция инклюзивного экономического роста, где качество и роль человеческих ресурсов играют первостепенную роль, может предложить свои варианты пути выхода из сложившегося кризиса. Предлагаем ознакомиться с результатами нашего исследования и вариантами решений для перехода стран СНГ к инклюзивному росту.

В настоящей работе под инклюзивным ростом авторы подразумевают подход, основанный на эффективном использовании всех имеющихся ресурсов, прежде всего на повышении роли человеческого капитала и его изобретательской деятельности.

Теоретический обзор

В настоящее время научным сообществом разработаны три основные парадигмы устойчивого экономического роста:

1) *модель инвестиционного роста*, которая базируется на высоком уровне капитальных вложений в разработку и внедрение технологий, созданных в национальных экономиках [19];

2) *модель инновационного роста* — здесь рост, в отличие от предыдущей модели, заключен в «передовых инновациях», разработке новых технологий и их распространении вне национальных границ [16, 6];

3) *модель инклюзивного роста*, основанная на эффективном использовании человеческого капитала и изобретательской деятельности [24, 27, 7].

Первые две модели, базирующиеся на технологическом развитии стран, перестали обеспечивать рост производительности труда. Несмотря на то, что технологические факторы производства продолжают играть свою роль в производительности труда, все большее значение приобретают человеческие ресурсы и качество институтов в стране [3]. Так, по мнению зарубежных исследователей, рост страны можно относить к инклюзивному только при соблюдении условия, если одновременно с увеличением ВВП страны происходит увеличение ИРЧП — индекса развития человеческого потенциала [28]. В этом случае возрастает роль государства в достижении баланса между инвестиционной политикой и развитием национальной инновационной системы.

Трудовая миграция, являющаяся составной частью рынка труда, может как повысить инклюзивность экономического роста страны, так и способствовать ее понижению в мировых рейтингах по данному показателю.

Этот эффект зависит от уровня квалификации и навыков иммигрантов. Приток иностранных неквалифицированных рабочих может привести к росту кривой предложения на рабочую силу и увеличению инвестиций в физический капитал. С другой стороны, трудовая миграция может влиять не только на уровень физического капитала, но и на отраслевое распределение. Так, прибытие высококвалифицированных иммигрантов в страну вызывает рост наукоемких отраслей и способствует устойчивому, инклюзивному росту экономики [4]. Тогда как приток низкоквалифицированных иммигрантов способствует привлечению капитала в трудоемкие средне- и низкотехнологичные сектора экономики, что может привести к ее стагнации вследствие интенсивной эксплуатации инфраструктуры без ее модернизации. Иначе говоря, происходит замена капитала на труд и развитие страны

¹ WEF (2016a). Global Risks Report 2016 / World Economic Forum [Electronic resource]. URL: http://www3.weforum.org/docs/GRR/WEF_GRR16.pdf (дата обращения 01.03.2018).

² В последнее время все большее распространение получает концепция устойчивости развития Всемирного банка, основанная на анализе активов нации (см., например, The Changing Wealth of Nations. Measuring Sustainable Development in the New Millennium. World Bank, 2011), одним из элементов которых является человеческий капитал.

осуществляется за счет экстенсивных источников.

Неконтролируемая нелегальная и неупорядоченная миграция однозначно приводит к отрицательным последствиям. Так, Р. Diaz и др. показали, что приток мексиканских нелегальных мигрантов в Аризону в течение четырех лет (2006–2009) привел к увеличению безработицы на фоне стагнации экономического роста в этом штате [14]. Негативная связь между нелегальной миграцией и экономическим ростом объясняется фундаментальной основой социального неравенства и снижением инклюзивного потенциала страны. Это связано с необходимостью направлять бюджетные потоки не на социоэкономическое развитие, например здравоохранение или образование, а на обеспечение правопорядка и усиление силовых структур в стране.

Влияние трудовой миграции на бюджет проявляется не только в налоговых поступлениях от трудовой деятельности мигрантов, но и в необходимости их интеграции и социальных выплат. Более того, иммиграция влияет на трансфертные платежи, усиливая нагрузку на финансовую сферу из-за разницы процентных ставок между местным населением и иностранцами, вследствие чего происходит неадекватное перераспределение финансовых ресурсов страны, и как следствие — снижение качества (инклюзивности) роста. Как отмечают исследователи P.S. Kerr и R.W. Kerr, основываясь на ретроспективных исследованиях, в среднем бюджет государства имеет незначительный положительный чистый финансовый эффект для принимающих стран [21]. При этом большой приток неквалифицированной рабочей силы серьезно ограничивает качественное (инклюзивное) развитие страны. Это подтверждается и другими исследованиями. Например, К. Мауг оценил также небольшой положительный общий финансовый эффект от миграционных процессов для бюджета Австрии [23].

Если приток квалифицированных кадров оказывает положительное влияние на экономический рост в стране прибытия, то страна-донор остается в трудном положении. Так, многочисленные исследования, посвященные оттоку человеческого капитала, свидетельствуют о негативном влиянии и на общий уровень интеллектуального развития страны его происхождения, и на качественные показатели экономического роста. В частности, исследования Veineetal показали, что масштабный отток квалифицированной рабочей силы уже в среднесрочном периоде начинает оказывать от-

рицательное влияние на развитие отдельных секторов экономики в стране исхода мигранта [9]. Тогда как долгосрочные последствия оттока квалифицированных кадров находят свое отражение в изменении качественных и количественных показателей человеческого капитала в стране-доноре. А это запускает негативный мультипликативный эффект, снижающий научный и экономический, читай инклюзивный, потенциал страны.

О разнородном эффекте влияния трудовой миграции на экономический рост свидетельствуют и другие исследования зарубежных авторов [13, 10, 112]. К примеру, М. Билдиричи (M. Bildirici) установил положительную связь между миграцией и экономическим ростом, которая может быть справедливой для стран-импортеров, тогда как для стран-доноров эта связь может быть обратной. Такой результат был получен для 77 стран за период с 1990 по 2001 гг. [10]. На наш взгляд, это может объясняться тем, что в ситуации избыточности человеческих ресурсов высвобождающиеся места на рынке труда снижают нагрузку на него. Тогда как государственные институты могут более эффективно и равномерно распределять на рынке труда оставшиеся в стране человеческие ресурсы. Для развитых стран эта нагрузка возрастает, что приводит к дисбалансу между рынком труда и производительными силами. По причине наличия сильных государственных институтов в стране, умеющих эффективно распоряжаться наличием ресурсного потенциала, создаются предпосылки для инклюзивного роста. Тогда как в других странах государственные институты, не умеющие справиться с дисбалансом в стране, приводят к снижению качественных составляющих экономического роста.

В странах с сильными институтами приток трудовых мигрантов носит управляемый и даже избирательный характер. Помимо того, что развитые страны выделяют квоты на привлечение количества мигрантов, государственные институты также просчитывают количество необходимых специалистов по различным отраслям. Это обеспечивает как равновесие на рынке труда, так и повышение качественного роста в этих отраслях.

Ряд других исследований также свидетельствует о важной роли действующих государственных институтов в стране, благодаря которым страны способны извлекать выгоду из миграционных процессов и оказывать положительный эффект на снижение уровня бедности и рост доходов в стране исхода. Так,

исследования, проведенные в разное время зарубежными авторами для отдельных стран, зафиксировали такую взаимосвязь через следующий упрощенный механизм государственного регулирования миграционных процессов: «трудовые мигранты → денежные переводы → рост потребления → рост производства → экономический рост» [12, 15, 31, 29].

Следовательно, взаимосвязь между бедностью и миграцией является довольно сложным экономическим процессом, которым важно управлять и иметь сильные и качественные государственные институты.

В случае отсутствия таких институтов миграция и ее влияние на экономический рост может быть обратным. Так, встречаются результаты исследований различных авторов с противоположным эффектом от денежных переводов для страны. Например, Catrinescu и другие отметили, что денежные переводы могут повышать долгосрочный экономический рост только в тех странах, где присутствует доверие населения к управленческим решениям государственных институтов [11]. В странах же с невысоким качеством государственных институтов, как правило, с низким уровнем доходов, положительный эффект наблюдается лишь в среднесрочном периоде. Например, к такому выводу пришли авторы Goschin, Ziesemer при исследовании влияния миграции на экономический рост для стран со средним доходом менее 1200 долл. США на душу населения [17, 32]. К этому же выводу пришли и другие исследователи, объяснив данный эффект тем, что, несмотря на положительное влияние денежных переводов на экономический рост и снижение бедности в стране исхода мигранта, они являются источниками внешних шоков в случае кризисных явлений в мировой экономике и, как следствие, приводят к неустойчивости экономического развития [20].

Другим объяснением обратной связи между миграцией и экономическим ростом является тот факт, что резкое повышение или снижение объема денежных переводов может оказывать сильный негативный эффект через ослабление торгового баланса страны и снижение ее конкурентоспособности на внешних рынках [18, 26].

Многочисленные современные исследования показывают, что в развивающихся странах значительная доля денежных переводов мигрантов, направляемых на родину, не всегда инвестируется на производственные нужды страны. К примеру, в бедных странах денежные переводы зачастую используются для погаше-

ния кредитов и задолженностей домохозяйств, минуя механизм трансформации денег в инвестиции [25, 30, 11, 8].

Об этом же свидетельствует и исследование А. Kroeger и К. Anderson, проведенное на примере мигрантов из Киргизии [22]. В ходе исследования авторы зафиксировали положительное влияние миграции на экономический рост страны лишь в 2001–2008 гг. Однако уже для периода с 2009 по 2011 гг. ученые отметили, что этот потенциал был исчерпан ввиду ухудшения человеческого капитала страны. Так, высокие темпы миграции квалифицированных кадров привели к истощению человеческого капитала Киргизии и ухудшили показатели экономического развития страны в последующие годы. Это объясняется тем, что денежные переводы не инвестировались ни в человеческий капитал молодых поколений, ни в экономику страны. Так как большая часть этих переводов направлялась на личное потребление домохозяйств, это предопределило снижение экономического потенциала страны. В этом случае страна попадает в «ловушку бедности».

Феномен «ловушки бедности» хорошо раскрыл в своих исследованиях Роберт Лукас [1]. На примере исследования различных стран Лукас показал, что значительный рывок в своем развитии может сделать лишь та страна, которая смогла эффективно направлять инвестиции не только в физический, но и, прежде всего, в человеческий капитал. Исследователь убедительно продемонстрировал на примере успешных стран, как инвестиции в человеческий капитал создают долговременную связь между технологиями и устойчивым экономическим ростом.

Таким образом, результаты эмпирических исследований свидетельствуют о важности миграционных процессов в объяснении динамики экономического роста. При этом наиболее важными ограничениями для инклюзивного роста являются слабые государственные институты, низкое качество человеческого капитала и дисбалансы между производительными силами и наличием рабочей силы в стране. Все это приводит к неустойчивому экономическому росту.

Неравенство в развитии стран в значительной степени объясняется степенью доступа к образованию. Как показали многочисленные исследования, уровень образования является очень важной предпосылкой для формирования условий инклюзивного развития страны, так как он создает базу для развития техноло-

гий, что в свою очередь является основой для инклюзивного рывка в будущее [5].

По итогам 2016 г. Россия является третьей страной в мире, после США и Германии, принимающей большое количество мигрантов. Протекающие в мире процессы также находят свое отражение в России. Это и масштабная, плохо контролируемая миграция, низкое качество государственных институтов, сырьевая модель экономического развития. Если развитые страны мира в настоящее время осуществляют переход на шестой технологический уклад, основанный на цифровых технологиях, то у России при наличии высокого человеческого потенциала отсутствуют другие предпосылки для инклюзивного рывка в будущее. Это обусловлено низким качеством институтов, отсутствием взвешенной инвестиционной политики по развитию и накоплению физического и миграционного потенциала, созданию устойчивых, достойно оплачиваемых рабочих мест в новых секторах экономики. Для перехода на инклюзивные источники развития необходима разработка взвешенной и продуманной миграционной политики со странами-участницами. В этих целях авторы предлагают исследовать влияние миграции на инклюзивное развитие на примере опыта успешных стран.

Методы исследования

Для изучения взаимосвязи качественных характеристик экономического роста и темпов миграции применительно к современному этапу экономического развития авторы про-

вели эконометрическое исследование на данных Всемирного банка по 76 развивающимся странам. Из категории развивающихся стран были исключены страны с нестабильным политическим режимом, низкими доходами на душу населения (по критерию ВВП на душу населения), а также страны с населением менее 5 млн человек.

В качестве показателей экономического развития и инклюзивности были выбраны следующие индикаторы: ВВП на душу населения по ППС в постоянных ценах 2011 г., индекс инклюзивного развития, коэффициент Джини и индекс человеческого развития. Для оценки миграции были использованы данные Всемирного банка: доля чистой миграции в % к местному населению, а также данные ООН: чистая миграция в среднем по пятилетним периодам и численность мигрантов в % к местному населению. Помимо этих показателей были также включены важнейшие факторы инклюзивного развития: качество государственных институтов, показатели диверсификации экономики и научно-технологическое развитие, инвестиционный климат и показатели рынка труда (см. табл. 1). Сформированная таким образом статистическая база данных позволила оценить связь между миграцией и инклюзивным развитием, а также выявить факторы, которые играют важнейшую роль в устойчивом экономическом росте.

Для того чтобы выбрать показатели миграционных потоков, которые наиболее реально отражают экономические процессы, были про-

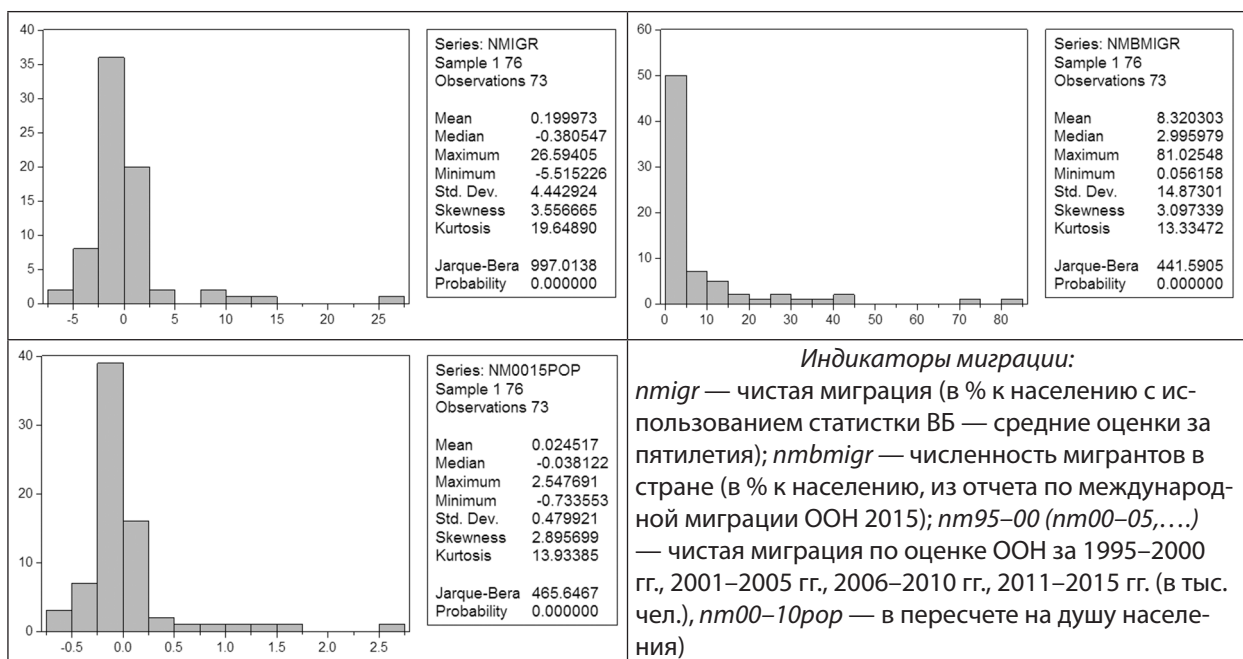

Рис. Распределение исследуемых стран — поставщиков и доноров мигрантов

Условные обозначения (классификатор) переменных

Условное обозначение переменной	Расшифровка
<i>а. Уровень экономического развития и инклюзивность (качество) роста</i>	
<i>gdp_pc_ppp</i>	ВВП на душу населения по ППС в дол.
<i>idi</i>	Индекс инклюзивного развития (в диапазоне от 1 до 10)
<i>gini</i>	Коэффициент Джини
<i>hdi</i>	Индекс человеческого развития
<i>б. Миграция</i>	
<i>nmigr</i>	Чистая миграция (в % к населению с использованием статистики ВБ — средние оценки за пятилетия)
<i>nm95-00 (nm00-05,...)</i>	Чистая миграция по оценке ООН за 1995–2000 гг., 2001–2005 гг., 2006–2010 гг., 2011–2015 гг. (в тыс. чел.)
<i>nm00-15pop</i>	Отношение чистой миграции (по индикатору <i>nm00-15</i>) к численности населения
<i>nmbmigr</i>	Численность мигрантов (в % к населению, из отчета по международной миграции ООН 2015)
<i>в. Занятые на рынках труда</i>	
<i>empl</i>	Уровень занятых в % к населению
<i>emp_ind</i>	Занятые в промышленности (в% к общей занятости)
<i>г. Качество государственных институтов</i>	
<i>rol</i>	Индекс соблюдения законодательства
<i>cpi</i>	Контроль коррупции (от 0 до 100, средние за 2012–2015 гг.)
<i>gef</i>	Эффективность правительства
<i>д. Диверсификация экономики и научно-технологическое развитие</i>	
<i>manuf</i>	Обрабатывающая промышленность (в % к ВВП)
<i>htexport</i>	Высокотехнологичный экспорт (% к экспорту обрабатывающей промышленности)
<i>intus</i>	Пользователи Интернета (на 100 чел. населения)
<i>patapp</i>	Патенты (резиденты на 1 млн населения)
<i>re&dexp</i>	Расходы на R&D (в % к ВВП)
<i>publ</i>	Число публикаций в научных журналах на 1 млн населения
<i>labter</i>	Численность работников с высшим образованием (в %)
<i>yearter</i>	Число лет обучения в университете
<i>е. Инвестиционная активность и ресурсная наделенность</i>	
<i>fdi</i>	Чистый приток прямых иностранных инвестиций (в % к ВВП)
<i>inv</i>	Валовые инвестиции в основной капитал (в % к ВВП)
<i>res</i>	Ресурсная наделенность страны (1 — ресурсобогатые, 0 — прочие страны)

Примечание: конкретные значения переменных приведены в среднегодовом исчислении за период 2000–2017 гг.

ведены статистические тесты на их адекватность и достоверность. Так, их количественный анализ и тестирование позволили получить следующие результаты:

1) Количество мигрантов (в % к населению, из отчета по международной миграции ООН 2015, *nmbmigr*) — индикатор, отражающий число зарегистрированных мигрантов, проживающих на территории данной страны, продемонстрировал, что у абсолютного большинства стран (50 стран из 73-х, у которых по этому показателю имеется соответствующая

статистика, см. рис. с гистограммой для *nmbmigr*), его значение составляет менее 5 %. Это означает, что большинство развивающихся стран являются поставщиками трудовых услуг. Преимуществом данного показателя, в отличие от двух других, является то, что его величина лежит в области положительных значений, что облегчает интерпретацию результатов регрессионного анализа. Лидерами по этому индикатору являются такие страны, как ОАЕ (81 %), Кувейт (70 %), Оман (41 %), Иордания (36 %), Саудовская

Аравия (29 %) и др. Среди стран СНГ наибольшим уровнем миграции в последние годы по этому индикатору отличались Казахстан (20 %), Беларусь (11 %), Россия (8 %), т. е. страны с наиболее высоким уровнем развития (от 17 до 24 тыс. долл. на душу населения) на постсоветском пространстве, что являлось одним из стимулов притока туда трудовых мигрантов. С другой стороны, количество мигрантов в странах Центральной Азии составляло менее 5 % (Таджикистан — 3 %, Узбекистан — 4 %, Кыргызстан — 5 %). Это отражает их положение как стран — экспортеров трудовых ресурсов, сформированное, в том числе, и вследствие низкого уровня развития их экономик (от 3 до 6 тыс. долл. на душу населения), а следовательно, и низких доходов населения.

2) Индикатор чистой миграции (*nmigr*, в % к населению с использованием статистики Всемирного банка) меняется в нашей выборке стран в диапазоне от $-5,5\%$ до $+26,6\%$. Преимуществом данного показателя является то, что он позволяет отделить страны с притоком мигрантов, превышающим их отток ($nmigr > 0$, страны — потребители услуг иностранной рабочей силы), от стран — поставщиков таких услуг ($nmigr < 0$). При этом количество стран второй категории (48) существенно превышает число первой группы стран (25). Следует отметить, что лидеры стран по максимальному притоку мигрантов примерно те же, что и при использовании предыдущего индикатора (*nmbmigr*): это Кувейт ($+11,1\%$), Малайзия ($+2,0\%$), Оман ($+13,0\%$), Саудовская Аравия ($+3,4\%$) и др. Среди стран СНГ чистый приток труда в 2000–2015 гг. имел место в России ($+2,2\%$), Казахстане и Беларуси ($+0,1\%$). На другом полюсе, среди лидеров стран — экспортеров труда, находятся государства, входившие в бывший СССР: Молдова ($-5,5\%$ от численности населения, средняя оценка за 2000–2015 гг.), Грузия ($-4,8\%$), Армения ($-3,7\%$), Литва ($-3,6\%$), Латвия ($-2,8\%$), а также Албания ($-5,5\%$), Сальвадор ($-4,8\%$), Никарагуа ($-3,1\%$), Ямайка ($-3,1\%$) и др. Для стран Центральной Азии значение этого индикатора составило, со знаком минус: Киргизия $3,4\%$, Узбекистан $1,7\%$, Таджикистан $1,2\%$ при средней медианной оценке по развивающимся странам экспортерам труда в минус $1,3\%$.

3) Индикатор чистой миграции по оценке ООН *nm00-10por* по своим значениям близок к аналогичному индикатору Всемирного банка *nmigr* и отличается только процедурой

получения усредненных оценок, а также более высоким средним уровнем чистой миграции ($10,5\%$ против $1,3\%$ для *nmigr*), что делает его более предпочтительным по отношению к индикатору Всемирного банка.

Полученные первичные результаты позволили сделать следующие выводы: несмотря на то, что все индикаторы основаны на существующей статистической отчетности (факт регистрации мигранта) и существенно занижают реальные абсолютные масштабы миграции, все они дают объективную картину различий по любому из этих индикаторов для абсолютного большинства развивающихся стран мира; абсолютное их большинство являются поставщиками мигрантов; лишь небольшое число развивающихся стран имеет значительное количество зарегистрированных мигрантов (на первые 5 стран приходится половина всех мигрантов). Между этими тремя индикаторами существует сильная статистически значимая корреляция (коэффициенты парной корреляции от $+0,85$ до $+0,95$). Все это доказывает справедливость рассмотренной выше гипотезы и возможность использования этих индикаторов в дальнейшем анализе.

Для изучения вопроса о наличии взаимосвязей между этими индикаторами были использованы эконометрические методы. При этом учитывалась особенность структуры матриц по включенным в анализ индикаторам. Она состоит, прежде всего, в различной степени матриц (индикаторов) для некоторых стран, вошедших в выборку. Примером являются пропуски в динамике таких индикаторов, как расходы на образование, науку и технологии, коэффициент Джини, численность занятых с высшим образованием и ряд других.

Это существенно затрудняет использование классических методов панельного анализа (*RE*, *FE* и т. д.). Единственной альтернативой в этом случае остается применение метода *crosssection* для усредненных оценок индикаторов (табл. 1) по всему отчетному периоду (2000–2015 гг.) и для всех отобранных развивающихся стран мира.

При этом использовалась как традиционная форма многофакторных регрессионных уравнений, так и форма с пороговыми значениями, что позволило обосновать роль и значимость государственных институтов в решении проблемы упорядочения миграционных потоков и повышения качества экономического роста для стран, расположенных на постсоветском пространстве.

Результаты исследования

В целях исследования связи миграции и инклюзивного развития авторы выдвинули две гипотезы, которые в дальнейшем были протестированы.

Гипотеза 1. Дешевая рабочая сила, создаваемая неупорядоченной масштабной трудовой миграцией, для развивающихся стран является сдерживающим фактором, препятствующим диверсификации их экономик и росту научно-технологического потенциала (аналог гипотезы о ресурсном проклятии).

Исходя из информационных возможностей, предоставляемых ресурсами Всемирного банка, ООН и других международных организаций (см. классификатор переменных, табл. 1), в качестве зависимых переменных при тестировании данной гипотезы использовались индикатор уровня развития обрабатывающей промышленности, который в целом хорошо коррелирует с широтой спектра выпускаемой продукции (уровнем диверсификации), и индикатор доли высокотехнологичной продукции в экспорте страны. Контрольными переменными являлись индикаторы инвестиционной активности, качества госинститутов, численности занятых и индикатор качества человеческого капитала.

Результат перебора большого числа комбинаций контрольных переменных в сочетании с факторами миграции (*nmigr*, *nmbmigr*, *nm00–15*) показал (см. табл. 2), что индикатор дивер-

сификации экономики *manuf* статистически значимо связан с фактором миграции *nmbmir* (количество мигрантов в % к населению). Во всех полученных регрессиях (№ 1–3 в табл. 2) соответствующий коэффициент имеет устойчивое отрицательное значение при различных комбинациях контрольных переменных (доля занятых в обрабатывающей промышленности, качество государственных институтов, ресурсная наделенность и т. д.). Это означает, что для стран с высоким уровнем трудовых мигрантов (импортеры труда, Кувейт, ОАЭ и другие страны ОПЕК, Россия, Казахстан и т. д.) увеличение этого фактора снижает уровень диверсификации экономики, усиливая ее сырьевой характер, уязвимость к внешним шокам и нестабильности мировых рынков. При этом дополнительный рост чистой миграции на 10 п. п. ассоциируется со снижением доли обрабатывающей промышленности (уровня диверсификации экономики) на величину от 1,1 до 1,5 п. п.

Схожее уравнение получено и для индикатора технологического развития (доли высокотехнологичной продукции в экспорте *htexport*, уравнение № 4). Численность мигрантов *nmbmigr* показывает негативное влияние на этот индикатор, в то время как эффективность правительства и численность занятых в экономике (в % к населению) повышают уровень технологического развития. Эти результаты являются одним из аргументов в пользу рассматриваемой гипотезы.

Таблица 2

Результаты эконометрической оценки влияния миграции на уровень диверсификации экономики и технологическое развитие

Объясняющие переменные (факторы)	Зависимая переменная <i>manuf</i> (обрабатывающая промышленность)			Зависимая переменная <i>htexport</i>
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Контрольные переменные				
Занятые в промышленности (<i>emp_ind</i>)	0,036***	0,27***	0,22**	
Эффективность правительства (<i>goveff</i>)		2,46**		9,61***
Ресурсная обеспеченность страны (<i>resdummy</i>)		-2,15	-1,75	
Контроль за коррупцией в ресурсно богатых странах (<i>res × cpi</i>)				-0,39
Качество человеческого капитала (<i>hdi</i>)			0,13**	
Качество человеческого капитала в ресурсно богатых странах (<i>res × hdi</i>)				0.18
Занятые в экономике (<i>empl</i>)				0.34***
Численность мигрантов (<i>nmbmigr</i>)	-0.11***	-0.15***	-0.14***	-0.17*
Константа	8,78	11,4	4,50	-6.8
R^2	0,24	0,32	0,31	0,25
Количество стран	73	73	72	71

Примечание: *** — значимо на уровне 1 %, ** — 5 %, * — 10 %.

Важно отметить и еще один результат эконометрического анализа. Почти во всех полученных регрессиях в число контрольных переменных вошли факторы, характеризующие качественную составляющую экономического развития — эффективность работы правительства $goveff$ и качество человеческого капитала hdi . В содержательном отношении это может означать не только то, что эти факторы важны для развития отраслей по выпуску готовой продукции, но и то, что данные показатели способны оказывать влияние на качество миграционных потоков, их упорядоченность и в конечном итоге сокращение их масштабов.

Сделанные выше выводы находят дополнительное подтверждение при переходе от традиционной формы многофакторных регрессионных уравнений к регрессиям с пороговыми значениями. Наиболее часто использование таких регрессий имеет целью определить пороговое значение качества госинститутов, превышение которого создает условия для положительного и статистически значимого влияния одной из контрольных переменных на зависимую переменную, повышая при этом качество всего уравнения в целом. Форма регрессионного уравнения в этом случае имеет вид:

$$div = c + a_1 \times migr + a_2 \times CV_1 + a_3 \times CV_2 + \dots + b \times (th - QI) \times CV_3, \quad (1)$$

где div — показатель уровня диверсификации экономики (или ее технологического развития); QI — показатель качества госинститутов (индекс контроля за коррупцией — cpi , эффективности работы правительства $goveff$ и т. д.); $CV_{1,2,\dots,n}$ — контрольные переменные (инвестиции inv , условная переменная для стран богатых природными ресурсами res , занятые в экономике $empl$ и т. д.); c — константа, $a_{1,2,\dots,n}$, b , th — эконометрически оцениваемые коэффициенты регрессии, в том числе пороговое значение для качества госинститутов (th).

Если результаты оценки параметров регрессии покажут отрицательность и значимость коэффициента b , а также положительную и значимую оценку параметра th , то в этом случае рост фактора CV_3 будет приводить к росту диверсификации экономики dif только тогда, когда индикатор качества госинститута QI по конкретной стране превышает полученное по результатам оценки уравнения пороговое значение th .

По результатам тестирования такой формы взаимосвязей были получены два уравнения. Первое из них показывает условия роста диверсификации по индикатору доли обрабаты-

вающей промышленности в структуре экономики и имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \underset{P-val}{manuf} = & 10.37 - 0.13 \times nmbmigr + \\ & \underset{(0.0017)}{\quad} \underset{(0.0005)}{\quad} \\ & + 0.32 \times \underset{(0.019)}{imp_ind} - 0.013 \times \underset{(0.0001)}{fdi} \times (52.0 - cpi) \\ & R^2 = 0.30, \end{aligned} \quad (2)$$

где значения доверительной вероятности (p -val) приведены под каждым коэффициентом вошедших в модель факторов. Так как они все меньше 0,1, то все эти коэффициенты, а следовательно, и соответствующие взаимосвязи, являются статистически значимыми.

В этом уравнении новой контрольной переменной является показатель прямых иностранных инвестиций fdi , а показателем качества госинститутов — индекс контроля за коррупцией cpi . Полученное пороговое значение (коэффициент $th = 52,0\%$) можно интерпретировать следующим образом: приток прямых иностранных инвестиций способствует диверсификации экономики только в том случае, если значение этого индекса превышает 52% (в этом случае выражение в скобках становится отрицательным и будучи умноженным на отрицательное значение коэффициента $b = -0,013$ обуславливает положительный приток $manuf$ при росте fdi).

Примечательно, что страны СНГ не отвечают этому требованию и имеют оценки данного индикатора существенно ниже требуемого порогового значения (например, для России 28%, Узбекистана 18, Таджикистана 23, Казахстана 28, Киргизии 26, Азербайджана 28, Беларуси 31%). Этим во многом объясняется отсутствие прогресса в диверсификации экономики этих государств даже в условиях значительного притока прямых иностранных инвестиций, имевшего место в последние 15 лет в этих странах. В полученном уравнении, как и в рассмотренных выше, фактор миграции $nmigr$ оказывает негативное влияние на уровень диверсификации экономики.

Второе полученное уравнение дает аналогичный результат для другого индикатора — доли высокотехнологичной продукции в структуре экспорта $htexport$ (см. уравнение ниже). В нем фактор миграции $nmbmigr$ также отрицательно связан с зависимой переменной. Все это дает аргументы в пользу рассматриваемой нами гипотезы о негативном влиянии масштабной и неупорядоченной трудовой миграции на диверсификацию экономики и технологическое развитие применительно к нашей выборке развивающихся стран мира.

$$\begin{aligned}
 htexport = & -9.75 - 0.16 \times nmbmigr + 0.35 \times empl + \\
 & + 4.24 \times goveff - 0.033 \times fdi \times (30.1 \text{ cpi}) \quad (3) \\
 & R^2 = 0.30.
 \end{aligned}$$

Для создания необходимых условий инклюзивного роста в развивающихся странах, включая государства на постсоветском пространстве, была выдвинута и протестирована вторая гипотеза.

Гипотеза 2. Основными факторами сокращения неупорядоченной масштабной трудовой миграции для развивающихся стран являются активная инвестиционная политика, рост качества государственных институтов и инклюзивность экономического роста.

Для проверки этой гипотезы и применения опыта этих стран для постсоветского пространства из совокупности развивающихся государств мира (76 стран) была выделена подвыборка стран с отрицательной чистой миграцией (49 стран).

Зависимыми переменными здесь, в отличие от полученных и описанных выше уравнений, являются индикаторы миграции для стран — экспортеров труда (*nmigr*, *nm0015pop*), значения которых, для удобства интерпретации результатов, взяты по абсолютной величине, т. е. со знаком плюс. В качестве факторов сокращения неупорядоченной миграции использовались индикаторы инвестиционной активности (*inv*, *fdi*), качества госинститутов (*cpi*, *rol*, *goveff*), индикаторы, отражающие в той или иной степени инклюзивность экономического роста (*gini*, *idi*, *emp_ind*, *manuf*). В качестве контрольных переменных были использованы уровень экономического развития (*gdp_pc_ppp*), научно-технологического развития (*r&dexp*, *patapp* и т. д.).

Перебор большого числа вариантов этих переменных показал, что наиболее высокие значения статистической значимости взаимосвязей достигаются в случае использования индикатора *nm0015pop* (индикатор ООН) в качестве зависимой переменной. Другое условие, выявленное в ходе анализа, — использование регрессии с пороговым значением по индикатору качества госинститутов, который дает лучшие результаты, чем традиционные многофакторные регрессии.

Полученная регрессия с наилучшими статистическими характеристиками имеет вид:

$$\begin{aligned}
 nm0015pop = & -0.34 - 0.14 \times r\&dexp - 0.008 \times \\
 & \times emp_ind - 0.001 \times fdi \times (25.2 - cpi) \quad (4) \\
 & R^2 = 0.31
 \end{aligned}$$

Все вошедшие в регрессию факторы являются статистически значимыми (т. к. оценки *p-val* < 0,1), а отрицательные знаки значений коэффициентов указывают на снижение миграции при росте фактора.

Полученный результат позволяет сделать ряд важных выводов для мер по ограничению неупорядоченной миграции. Во-первых, рост инвестиционной активности (по индикатору прямых иностранных инвестиций *fdi*) действительно ограничивает масштабы неупорядоченной миграции, но только в том случае, если один из важнейших индикаторов качества госинститутов — контроль за коррупцией *cpi* — превышает эконометрически полученное пороговое значение, равное 25,2 (по 100-балльной шкале). Этот результат хорошо согласуется со сделанным ранее выводом в отношении индикаторов диверсификации и технологического развития (*manuf*, *htexport*), хотя полученные ранее пороговые значения были несколько выше (30 и 52).

Как было показано выше, среднегодовые оценки этого индикатора для анализируемых нами стран СНГ (экспортеров труда) лежат в диапазоне от 18 (Узбекистан) до 26 (Кыргызстан), т. е. на границе и даже ниже этого порогового значения. Следовательно, если правительства стран Центральной Азии не предпримут решительных мер по борьбе с коррупцией, то все усилия по стимулированию инвестиционной активности с целью создания новых рабочих мест и ограничению, тем самым, миграции в Россию и другие страны со значительно более высокой стоимостью рабочей силы не дадут ожидаемых результатов, так как привлекаемые инвестиционные ресурсы будут использоваться крайне неэффективно.

Что касается гипотезы о важности обеспечения инклюзивности экономического роста для ограничения оттока трудовых ресурсов, то полного подтверждения она не нашла. Использование в качестве фактора инклюзивности индикатора *idi*¹ показывает его сильную статистическую незначимость (*p-val* > 0,9). Аналогичный результат характерен и для индекса Джини *gini*.

Несколько лучшие статистические оценки получаются при использовании сочетаний этих факторов с условной переменной *res* (на-

¹ Inclusive Development Index, рассчитываемый Азиатским банком развития как составной индекс, включающий в дополнение к ВВП еще одиннадцать индикаторов, отражающих достижения в сфере ограничения бедности и неравенства в доходах, устойчивости развития, доступности кредитных и иных источников развития.

деленность страны природными ресурсами), т. е. в форме $idi \times res$. В этом случае p -*val* снижается до 0,3 но не дотягивает до требуемого граничного значения (0,1). Этот результат может быть интерпретирован как то, что инклюзивное развитие играет для стран с богатыми природными ресурсами особую роль.

Значимость появляется только тогда, когда в качестве фактора инклюзивности используется переменная доли занятых в промышленности emp_ind . Не являясь в строгом смысле индикатором инклюзивности, данная переменная, тем не менее, отражает процесс повышения качества экономического роста, так как в развивающихся странах мира, как показывает опыт Китая, Турции, Малайзии, вклад экономического роста в расширение устойчивой и достойно оплачиваемой занятости связан, прежде всего, с созданием новых рабочих мест в недобывающих отраслях промышленности.

Анализ также показал, что наиболее устойчивым фактором во всех их комбинациях, включаемых в регрессию, оказался фактор расходов на науку и технологии $r\&dexp$. Это подчеркивает важность для ограничения неупорядоченной миграции организации совместных интеграционных проектов России и стран Центральной Азии в сфере научных исследований и разработок, которые позволят создать значительное число новых рабочих мест в сфере трудоемких средне- и высокотехнологичных производств, имеющих значительный мультипликативный эффект на всю экономику с точки зрения генерации новой занятости.

Заключение

Протестированные логические взаимосвязи и гипотезы позволили сформировать ориентиры инклюзивности для постсоветского пространства. Как показал анализ, наиболее важным условием инклюзивного развития является качество государственных институтов. В этом случае государственным институтам в странах постсоветского пространства необходимо создать условия для эффективного управления миграционными процессами. На наш взгляд, в качестве первоочередных и среднесрочных мер по повышению степени инклюзивности экономического роста в странах — поставщиках трудовых ресурсов на российские рынки необходимо создание условий для ускорения развития обрабатывающей промышленности в странах СНГ. Как показывает мировой опыт, развитие обрабатывающей отрасли сильно зависит от качества образования

в стране. В этом случае важная роль отводится инвестициям в человеческий капитал. Разрыв в доходах между странами СНГ объясняется и разницей в качественных показателях человеческого потенциала. Поэтому для выравнивания доходов между странами необходимо создать единые образовательные стандарты и межгосударственные центры компетенций, направления которых будут соответствовать выбранным приоритетам технологического развития в странах постсоветского пространства.

Обмен технологическим опытом является одним из важнейших условий, повышающих уровень инклюзивности в мире. Поэтому необходим переход к единой технологической политике, ориентированной на совместное создание единых технологических платформ в критически важных для стран СНГ сферах хозяйственной деятельности (ресурсосбережение, транспорт, медицина, новые материалы, информационные технологии, банковские системы и т. д.). Реализация единой технологической политики позволит странам СНГ снизить издержки при переходе к производству новых поколений техники и потребительской продукции, а также уменьшить степень научно-технологической зависимости от стран Запада и Китая.

Для реализации единой технологической политики необходимо создание совместных интеграционных межгосударственных проектов, которые помимо технологического рывка способны существенно смягчить остроту проблемы занятости в странах — поставщиках трудовых мигрантов.

Торговля технологиями создает основу для унификации таможенных правил, налоговой политики, бухгалтерского учета, а также упрощения процедур рассмотрения хозяйственных споров и создания независимых (транснациональных) судебных органов для решения возникающих вопросов.

Для успешной реализации предложенных мер необходима эффективная и слаженная работа государственных институтов в странах СНГ. На наш взгляд, необходимо создание надгосударственной структуры, которая будет регулировать и направлять данный процесс на повышение инклюзивности всего постсоветского пространства, вовлекая в данный процесс государственные институты, бизнес и общество, что в конечном итоге позволит всем странам стать активными участниками развития мировой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту: пер. англ. Д. Шестакова. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 288 с.
2. Меркулова Т.В. Экономический рост и неравенство: институциональный аспект и моделирование взаимосвязи // Мир России. — 2010. — № 2. — С. 59–73.
3. Сморгунев Л.В. Государство, сотрудничество и инклюзивный экономический рост // Власть. — 2017. — № 11. — С. 22–30.
4. Чепель С.В., Бондаренко К.А. Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал новой экономической ассоциации. — 2015. — № 4 (28). — С. 142–166.
5. Чепель С.В., Ибрагимова Н.М. Экономический рост и доступность высшего образования: существующие гипотезы, каналы, взаимосвязи и их релевантность для развивающихся стран мира // Человеческий капитал и профессиональное образование. — 2016. — № 4. — С. 4–16.
6. Aghion P., Howitt P. Growth with quality-improving innovations: An integrated framework. In P. Aghion & S. Durlauf (Eds.) // Handbook of economic growth. — North-Holland/Elsevier: Amsterdam, 2005.
7. Anand R., Mishra S., Peiris S. J. Inclusive Growth: Measurement and Determinants // IMF Working Paper. — 2013. — 13/135.
8. Barguelli A., Zaiem M. H., Zmami M. Remittances, Education and Economic Growth: A Panel Data Analysis // Journal of Business Studies Quarterly. — 2013. — Vol. 4(3). — P. 129–139.
9. Beine M., Docquier F., Rapoport H. Brain Drain and Economic Growth: Theory and Evidence // Journal of Development Economics. — 2001. — Vol. 64(1). — P. 275–289.
10. Bildirici M., Sunal S., Aykac Alp E., Orcan M. Determinants of Human Capital Theory, Growth and Brain Drain: an Econometric Analysis for 77 Countries // Applied Econometrics and International Development. — 2005. — Vol. 5(2). — P. 109–140.
11. Catrinescu N., Leon-Ledesma M., Piracha M., Quillin B. Remittances, Institutions, and Economic Growth // World Development. — 2009. — Vol. 37(1). — P. 81–92.
12. Chen H. J., Fang I. H. Migration, Social Security, and Economic Growth // Economic Modeling. — 2013. — Vol. 32. — P. 386–399.
13. Di Maria C., Lazarova E. Migration, Human Capital Formation, and Growth: An Empirical Investigation // World Development. — 2012. — Vol. 40(5). — P. 938–955.
14. Diaz P., Saenz S. D., Kwan S. Y. V. Economic dynamics and changes in attitudes towards undocumented Mexican immigrants in Arizona // Analyses of Social Issues and Public Policy. — 2011. — Vol. 11. — P. 300–313. — doi: 10.1111/j.1530-2415.2011.01255.x.
15. Díaz-Briquets S., Pérez-López J. Refugee Remittances: Conceptual Issues and the Cuban and Nicaraguan Experiences // International Migration Review. — 1997. — Vol. 31(2). — P. 411–437.
16. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Dynamics of Innovation: from National System and Mode 2 to a Triple Helix of University-Industry-Government Relations // Research Policy. — 2000. — Vol. 29. — No. 2.
17. Goschin Z. Remittances as an Economic Development Factor: Empirical Evidence from the CEE Countries // Procedia Economics and Finance. — 2014. — Vol. 10. — P. 54–60.
18. Guha P. Macroeconomic Effects of International Remittances: The Case of Developing Economies // Economic Modelling. — 2013. — Vol. 33. — P. 292–305.
19. Harrod R. F. An Essay in Dynamic Theory // Economic Journal. — 1939. — Mart (No. 49). — P. 14–33.
20. Imai K. S., Gaiha R., Ali A., Kaicker N. Remittances, Growth and Poverty: New Evidence from Asian Countries // Journal of Policy Modeling. — 2014. — Vol. 36(3). — P. 524–538.
21. Kerr P. S., Kerr R. W. Economic Impact of Immigration: A Survey // Harvard Business School Working Paper. — 2011. — P. 9–13.
22. Kroeger A., Anderson K. Remittances and children's capabilities: new evidence from Kyrgyzstan, 2005–2008 // IZA Discussion Paper. — 2012. — No. 6293. — Bonn, Germany: Institute for the Study of Labor, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://EconPapers.repec.org/RePEc:iza:izadps:dp6293> (date of access: 14.06.2018).
23. Mayr K. The Fiscal Impact of Immigrants in Austria — A Generational Accounting Analysis // Empirica. — 2005. — Vol. 32. — P. 181–216. — doi: 10.1007/s10663-005-1758-3.
24. McKinley T. 'Inclusive Growth Criteria and Indicators: An Inclusive Growth Index for Diagnosis of Country Progress', ADB Sustainable Development Working Paper Series, No. 14. — Man da luyong City, Philippines, Asian Development Bank, 2010.
25. Mosse D., Gupta S., Mehta M., Shah V., Rees J. F., Team K. P. Brokered Livelihoods: Debt, Labour Migration and Development in Western India // Journal of Development Studies. — 2002. — Vol. 38(5). — P. 59–88.
26. Nyamongo E., Misati R. N., Kipyegon L., Ndirangu L. Remittances, Financial Development and Economic Growth in Africa // Journal of Economics and Business. — 2012. — Vol. 64(3). — P. 240–260.
27. Ramos A. R., Ranieri R., Lammes J. Mapping Inclusive Growth. Working Paper, International Policy Centre for Inclusive Growth. — 2013. — No. 105.

28. Roy A. Inclusive Growth through MFIs' Outreach in Assam. // *Asia-Pacific Business Review*. — 2011. — Vol. 7. — No. 3. — P. 47–62.
29. Sana M., Massey D. Household Composition, Family Migration, and Community Context: Migrant Remittances in Four Countries // *Social Science Quarterly*. — 2005. — Vol. 86(2). — P. 509–528.
30. Stark O., Taylor J. Edward, Yitzhaki Shl. Remittances and inequality // *Economic Journal*. — 1986. — Vol. 96 (383). — P. 722–740.
31. Woodruff C., Zenteno R. Remittances and Microenterprises in Mexico. UCSD. — Graduate School of International Relations and Pacific Studies Working Paper, 2001.
32. Ziesemer T. Worker Remittances, Migration, Accumulation and Growth in Poor Developing Countries: Survey and Analysis of Direct and Indirect Effects // *Economic Modeling*. — 2012. — Vol. 29(2). — P. 103–118.

Информация об авторах

Чепель Сергей Васильевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник проекта макроэкономических исследований, Институт прогнозирования и макроэкономических исследований при Миниэкономике Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан, ул. Мовароуннахр, 1, e-mail: swchep@mail.ru).

Тухтарова Евгения Хасановна — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация, ул. Московская, 29; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

Неклюдова Наталья Павловна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация, ул. Московская, 29; e-mail: nnp81@mail.ru).

Chepel S. V., Tukhtarova E. Kh., Neklyudova N. P.

Migration: a Factor or a Barrier to Inclusive Economic Growth in the Post-Soviet States

The main idea of the paper is a new view on migration and economic policy of the post-Soviet states from a position of inclusive economic growth of these states. It concerns their stability and diversification, the maximum restriction of illegal migration, switching of priorities in the external economic activity from trade in raw materials and energy resources to the scientific and technological cooperation and creation of common technological platforms. The paper presents the results of the econometric analysis of interrelationships between migration, diversification of the economy, quality of state institutions and other qualitative characteristics of economic growth prevailing in developing countries in the last two decades. The research has revealed the most important factors that promote the creation of conditions and prerequisites for the inclusive development of the economy. The analysis has shown that the most important factors are the quality of the state institutions, a technological development that creates conditions for investment into the human capital. Moreover, the research has determined threshold values by these factors as reference points for the transition of the CIS countries to the inclusive development of their economies. One more major result of the research is the fact that the large-scale and uncontrolled migration is the braking factor of sustainable development for all post-Soviet states. To overcome this process, it is necessary to create the large-scale joint integration, as well as knowledge-intensive and technological projects. They will allow not only reducing migration scales to Russia but also will promote a human capital increase in the CIS countries and create the knowledge-intensive jobs in labour markets of these countries.

Keywords: labor migration, inclusive growth, income inequality, technological development, investments, quality of state institutions, human capital, GDP per capita

Authors

Sergey Vasilyevich Chepel — Doctor of Economics, Institute of Forecasting and Macroeconomic Research at the Ministry of Economics RUz. (Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: swchep@mail.ru).

Evgeniya Khasanovna Tukhtarova — Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: tyevgeniya@yandex.ru).

Natalya Pavlovna Neklyudova — PhD in Economics, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: nnp81@mail.ru).